

УДК 821.161.2+1(091)

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В УКРАИНСКОЙ НОВЕЛЛИСТИКЕ 1920-х гг.

Ключевые слова: новеллистика, украинская литература, «расстрелянное возрождение», экзистенциальная проблематика, поэтика.

В статье рассмотрены экзистенциальные проблемы (враждебности окружающего мира по отношению к личности, одиночества, пограничности существования, относительности жизни и смерти и т.д.), воплощенные в массиве украинской малой прозы 1920-х гг. На примере произведений В. Пидмогильного, В. Вражлывого, М. Ирчана, Л. Первомайского раскрыты смысловые и художественные особенности воплощения экзистенциальной проблематики.

Амбивалентность аксиологической парадигматики в украинской новеллистике постреволюционного десятилетия обусловлена тем, что события 1917–1921 гг. интеллектуально воспринимались и эмоционально переживались отдельными людьми и даже целыми социальными группами по-разному, порой противоположно. Это детерминировало и сформировало две антагонистические модели художественных миров и концепций человека: одна часть общества была нацелена на «светлое будущее», то есть стремилась к утопическому идеалу (как правило, в поэтике эта позиция воплощалась в романтических формах), а вторая – осознавая необратимость произошедших изменений во всех сферах общественной и личной жизни, драматично, а порой и трагично переживала перемены. В таком случае актуальными становились выразительные средства неореализма или экспрессионизма.

По убеждению большинства исследователей литературы 1990–2010-х гг. (В. Агеевой, В. Дончика, М. Жулинского, Ю. Ковалива, В. Мельника, Н. Михайловской и др.), украинская проза первой трети XX века нередко изображает одинокую, духовно опустошенную личность, которая оказывается не в состоянии противостоять взвихренной действительности, пытается сохранить свое «Я», нащупать почву под ногами и часто гибнет, не найдя опоры.

Экзистенциальный комплекс проблем, в частности, пограничного состояния, тотального одиночества человека во враждебном мире, трагическое переживание заброшенности в нем отражены в украинской новеллистике постреволюционного десятилетия достаточно полно. Так, например, Михаил Ивченко, Гнат Михайличенко, Валериан Пидмогильный, Мыкола Хвылевой в своих рассказах и новеллах отображали сложную внутреннюю драму человека с раздвоенным сознанием, раскрывали динамику внутренних преобразований, которые происходили в человеке. Такая проблематика реализовалась с помощью импрессионистской поэтики («Кот в сапогах», «Редактор Карк» М. Хвылевого, цикл «Город» Г. Михайличенко) или в традиции интеллектуального реализма («В эпидемическом бараке», «Иван Босый» В. Пидмогильного).

Рассказ «В эпидемическом бараке» (1920) В. Пидмогильный сам считал одним из лучших в своем творчестве. Изображение быта лечебницы, переполненной тяжелобольными и умирающими людьми, семантически расширяется до символического образа удушливой атмосферы, сложившейся в обществе. Система персонажей проецируется на социальную структуру – крестьяне противопоставлены интеллигенции, каждый человек экзистенциально отчужден и замкнут в собственном одиночестве. Так, например, юная Прися ощущает почти физическую боль от мыслей о своем будущем, ее любовь к начальнику станции разбивается о стену повседневности; сестра Ганнуся маленького сына Антося «приучает спокойно видеть человеческие страдания» [4, с.100]; сестра Ольга Калиновна ищет спасения в религиозной вере, но постепенно проваливается в бездну безумия.

Автор акцентирует на портретных деталях, которые воплощают враждебность мира – холодные, как лед, глаза Антося. В финале рассказа пасхальный колокольный звон на фоне развернутой картины абсурда играет роль семантического реквиема, а не благовеста: «Но воскресший Бог не пришел в барак, и сестра Ганнуся стояла перед ним, як одинокий часовой на посту страдания» [4, с.113].

Особое место в послереволюционной украинской новеллистике занимает тема смерти. Она проявляется в самих разнообразных причинно-следственных ракурсах: это и жестокая политическая борьба, и события, связанные еще с Первой мировой войной, и голод 1921 года.

Тема голода в экзистенциальном дискурсе составила основную сюжетобразующую канву в рассказах В. Пидмогильного «Сын» и «Проблема хлеба», К. Полищука «Лучший мир» и «Непрошенные гости», Г. Косынки «Циркуль», Б. Тенеты «Прися», М. Галич «Хлеба нету», Б. Антоненко-Давидовича «Два пуда ржи» и «Пирожки, пирожки...». Во все этих произведениях герои оказыва-

ются на грани между жизнью и смертью. Нередко они лишены права выбора и становятся слепым орудием в руках политических сил, лишенных человеколюбия.

Деструктивные процессы, происходившие в социальном пространстве в начале 1920-х гг., детерминировали появление ряда произведений, в которых авторы стремились отобразить исполненную драматизма суть времени, в то же время пытались выразить целую гамму мотивов и чувств, в частности ощущение тотальной катастрофичности происшедшего, одиночества и страха.

Жестокое убийство сельского активиста Гордея составляет сюжет рассказа М. Ирчана «Первый передел» (1922). Произведение имеет кольцевую композицию – начинается с диалога Варьки с матерью о судьбе Гордея и заканчивается ее плачем после ужасной расправы местных богачей над активистом: живым его закопали в землю на сельской площади. Идейное противостояние двух антагонистических сил – сельских богачей во главе с Мазуренко, а также бедноты, возглавляемой Гордеем, усиливается морально-этическими деталями: Мазуренчиха является крестной матерью главного героя. Именно Мазуренчиха уводит с площади несчастную рыдающую Варьку, когда та бросается в ноги богачу с просьбой сохранить жизнь ее брату. Но имущественные интересы оказываются выше моральных законов.

Идея ницшеанского «вечного возвращения» воплощена в простых, на первый взгляд, словах Гордея: «меня сегодня, тебя завтра» [1, с. 35]. В них звучит не столько вера в социальную победу, о чем любили писать критики, сколько реализуется старозаветный принцип «око за око». Ситуации, в которых жертвами жестокости толпы становятся дети, женщины, старики, которые символизируют разгул деструктивных сил в обществе, неоднократно изображены в произведениях И. Днипровского, М. Ирчана, Ю. Яновского, О. Слисаренко и др. Как правило, сюжеты заканчиваются картинами кровопролития и реализуются с помощью экспрессионистской или неореалистической поэтики.

Малоизвестным сегодня является талантливый писатель Василь Вражливый (наст. фам. Штанько) (1903–1937). Он стал одним из сотен представителей творческой интеллигенции, подвергшейся сталинским репрессиям. Перу прозаика принадлежат сборники рассказов «В овраге» (1924), «Земля» (1925), «Волчьи Байраки» (1929), «Молодость» (1929), «Шесть рассказов» (1930), а также несколько повестей и поэтические переводы.

В рассказе, вынесенном в заглавие одного из сборников, «Волчьи Байраки» изображена поистине эсхатологическая картина, «минус-гармония». Перед читателем разворачивается гибель семьи: старший сын, 16-летний Ванька, не хочет, чтобы тяжелобольная мать Векла умирала в их убогой землянке, потому, пригрозив отцу ножом, он заставляет Созона перетащить тело полуживой матери на край глиняного оврага. После ее смерти он выгоняет отца на улицу, чтобы ранние заморозки поскорее его убили. Несчастный Созон находит единственный выход из тупика – он совершает убийство торговки, чтобы попасть в тюрьму, тем самым обеспечивая себе кров над головой и еду.

Автор демонстрирует степень духовного падения героя – Созон убивает жертву в тот момент, когда она, сжалившись, подает ему милостыню. Таким образом В. Вражливый демонстрирует моральную деградацию своих героев, полное нивелирование системы общечеловеческих ценностей: вместо объединения семьи мы наблюдаем ее распад, вместо добра и согласия изображены ненависть и зло, горе от смерти матери не трогает детей, которые ощущают только равнодушие, вместо жалости к отцу – тупую ненависть молодого самца (Ванька) к постаревшему вожаку стаи. Антропоморфный параллелизм «человек – волк» заострен до гротескно-абсурдной гиперболы. Мотив холода в душе Созона согласуется с холодом физическим, от которого он жестоко страдает. Образ осени символично дополняется мотивами угасания, смерти, утраты, пустоты.

Экзистенциальный мотив одиночества становится одним из центральных в рассказе: «В городе тогда много [людей. – С.Л.] ходило, много смеялось, а от трамваев сыпались искры, и была ночь. И не знал никто в городе, как умирает старая Векла, как стонет, качая головой, Иван Химчук, как плачет Созон. Никто не знал. Далеко ли, близко ли ходил ветер. И умерла Векла. Тяжелый кусок отвалился от потолка и разбился, только желтая пыль полетела» [2, с.9].

Смерть Веклы вне дома-землянки, где жила семья, символизирует одиночество человека во враждебном внешнем мире, поскольку по-настоящему переживали ее смерть лишь сумасшедший Иван и беспомощный Созон. Мотивы осени, заморозков, темноты моделируют картину тотального господства хаоса в обществе и в душах отдельных людей.

Мотив смерти в разных ракурсах широко тиражировался в прозе малого формата, поскольку был, с одной стороны, детерминирован обстоятельствами Первой мировой и гражданской войн, а с другого, восходил к экзистенциальной проблеме враждебности мира к человеку. Одной из вариаций танатологического дискурса является тема еврейских погромов, которая широко освещалась в малой прозе 1920-х гг. Примером экспрессионистического решения этой проблемы стала новелла Леонида Первомайского (1908–1972) «В девятнадцатый год» (1925).

Семья бедного сапожника Залмана не успевает спастись от погрома: «Ночь. Застыла тишина. Потом тишину рванул, перекрестил топот коней около ворот»; «Перед рассветом кипело, как в котле. Слышали? Пулеметы, винтовки, пушки и человеческий крик. Где-то били окна, убивали, калечили. Была дикая ночь» [3, с.107–108]. Образ смертельной опасности, безысходности, катастрофы творится с помощью колористических (черных и красно-желтых) деталей, голос нарратора то сливается с внутренним голосом Залмана, то дистанцируется от него. Кульминационным в рассказе становится момент, когда старая Эстер-риве натывается за воротами на труп сына. Над раздавленной горем матерью снова поднимается красно-красавый призрак с плетью – символ насилия и хаоса.

Катастрофические события, произошедшие в 1917 году, надежды на новый этап жизни и кровавая политическая борьба привели к тому, что в украинской новеллистике сформировался комплекс проблем, которые впоследствии получили название экзистенциальных. Они проявились уже в начале 1920-х годов, задолго до французских философов, в произведениях М. Хвильевого, В. Пидмогильного, Г. Михайличенко, М. Ивченко, М. Ирчана и многих других талантливых писателей, которые были жестоко уничтожены сталинской тоталитарной системой и впоследствии названы «расстрелянным возрождением».

Литература

1. Вражливий, В. Вовчі Байраки : [оповідання] / Василь Вражливий. – Х.: Юридичне вид-во України, 1929. – 96 с.
2. Ирчан, М.Д. Вибрані твори : в 2-х т. / М.Д. Ирчан. – К.: Держлітвидав УРСР, 1958. – . – Т. 2. – 466 с.
3. Первомайський, Л. Оповідання / Л. Первомайський. – Х.-Одеса: Молодий більшовик, 1934. – 300 с.
4. Підмогильний, В.П. Оповідання. Повість. Романи / В. Підмогильний; [вступ ст., упоряд. і примітки В.О.Мельника; ред. тому В.Г. Дончик]. – К.: Наук. думка, 1991. – 800 с.

S.V. Lenska

Poltava National V.G. Korolenko Pedagogical University
e-mail: svlenska@mail.ru

Existential problems in Ukrainian short stories of the 1920's

Key words: short stories, Ukrainian literature, "Executed Renaissance", existential problems, poetics.

The article deals with the existential problems (the hostility of the world in relation to the identity, loneliness, borderline existence, relative of the life and death, etc.), which realized in the volume of Ukrainian small prose of the 1920's. On the example of works by V. Pidmogilnyy, V. Vrazhlyviy, M. Irchan, L. Pervomaisky disclosed meaning and artistic features of the embodiment of the existential perspective.

И.В.Моклецова

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова
e-mail: irvasmok@mail.ru

УДК 82.091

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ ПАЛОМНИЧЕСКИХ ОПИСАНИЙ XIX ВЕКА

Ключевые слова: паломничество, русская литература, исторический контекст, русская культура.

В статье основное внимание обращено на историко-культурный контекст функционирования русской паломнической литературы в XIX веке. Её плодотворное развитие явилось следствием сложившегося геополитического положения России, интенсификации международных связей, затрагивавших все слои русского общества. Ничего подобного не было в отечественной истории: русский народ предстал в образе паломника, совершающего духовный подвиг на глазах жителей стран Средиземноморья. Свой вклад в осуществление заветной мечты миллионов православных русских людей посетить Святую землю внесли чиновники Министерства иностранных дел Российской империи, представители Русской Православной Церкви, научная общественность (члены Императорского Православного Палестинского общества).

Паломническая традиция имеет в русской культуре не только более чем тысячелетнюю историю, но и мощное воплощение в памятниках письменности, начиная с XIIв. Учитывая неизменный интерес к этой теме и стремительное возрождение паломнической традиции в наше время, стоит вернуться к положительному опыту прошлых лет. Паломничество, или богомолье, является делом отдельного человека, не имеет принудительного характера, свидетельствует о духовном развитии нации. В русском паломничестве с необычайной яркостью проявились особенности этнопсихологии народа и своеобразие национального характера. «Со времени зарождения Руси непрерывным рядом тянутся русские люди на Святую Землю. Царьград, Афон, Иерусалим и Синай – вот те заветные цели, куда целое тысячелетие стремится и идет православный русский народ» [1, с.74].